

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Комментарии

Е. Ф. Мосин

доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ЛОГИКИ ПРАВА

(о книге: Познер Р.А. Экономический анализ права. В 2 т. / Пер. с англ. под ред. В. Л. Тамбовцева. СПб.: Экономическая школа, 2004. — XX + 976 с.)

На взаимосвязь и взаимовлияние права и экономики всегда обращается внимание студентов юридических факультетов вузов России; научная и практическая актуальность и значимость этой темы никогда не подвергаются сомнению. Однако в практике подготовки юристов, в самом учебном процессе раскрытие этой темы обычно не сопровождается анализом взаимосвязи и взаимовлияния права и экономики; чтобы убедиться в справедливости этого мнения, достаточно посмотреть учебную литературу по юридическим дисциплинам. Обычно все сводится к нескольким, редко более десятка, страницам текста с анализом, а затем редким примерам, иллюстрирующим ошибки принятия тех или иных нормативных правовых актов без оглядки на экономические реалии. Положение не компенсируется тем, что отдельные вопросы темы рассматриваются в процессе преподавания будущим юристам экономической теории, ибо при сравнительно небольшом объеме курса изучение этих вопросов большей частью сводится не столько к анализу, сколько к иллюстрации взаимовлияния права и экономики на отдельных примерах.

Собственно экономический анализ права, тот круг вопросов, то направление исследований, который за рубежом обозначается как *Law and Economics*, в процессе подготовки российских юристов отражения фактически не нашел, точнее его отражение весьма слабое. Это можно объяснить, в первую очередь, тем, что само научное направление *Law and Economics* (в современном понимании его тематики и методологии) сравнительно молодо. Его современная история насчитывает примерно четыре десятилетия, а в России и вовсе исчисляется одним десятком лет (да и то с определенной натяжкой исчисления).

Принципиально иная ситуация за рубежом, особенно в Соединенных Штатах Америки. Как отмечено (Тамбовцев, 2004, с. XIV), «в настоящее время курсы, посвященные экономическому анализу права, преподаются практически во всех американских университетах, эта дисциплина постепенно проникает в европейские университеты, все юридические журналы американских университетов систематически печатают статьи, относящиеся к области экономического анализа права, и т. д. Одним словом, направление “право и экономическая теория” стало вполне признанной частью современного юридического (и экономического) образования. Многие ученые и практики оценивают его как ведущую интеллектуальную традицию в современной западной *юридической науке*» (курсив источника).

Монография Ричарда А. Познера «Экономический анализ права» вышла в США еще в 1972 г. Правда, полное признание новое направление в юридической науке получило не сразу: в 1980 г. гарвардский историк права Мортон Хорвиц писал (цит. по: Познер, 2004, с. XIX): «У меня есть сильное ощущение, что экономический анализ права изжил себя как последняя причуда юридической науки». Однако спустя 20 лет после первого — в 1992 г. — вышло уже четвертое, а в 1998 г. — пятое издание этой книги, не имевшей себе равных по масштабу охвата тематики экономического анализа права.

В 2004 г. пятое издание книги Ригарда А. Познера «Economic Analysis of Law» вышло в переводе на русский язык.

Сравнивать эту книгу не с чем, если не выходить за рамки направления *Law and Economics*; по крайней мере, на русском языке нет ничего сколь-нибудь близкого или подобного ей. Отсутствие фона для сопоставления и сравнения сразу делает книгу уникальной и в силу уже одного этого ценной. Фон для сравнения появляется, если обратить внимание на то, что книга написана на стыке двух громадных научных областей: теории права и экономической теории — как пишет (Капелюшников, 1990), «совершенно особый корпус литературы образует так называемая “экономика права”, выросшая на стыке экономической и юридической теорий. Уже в 60-х гг. она выделилась в самостоятельное, бурно развивающееся направление (ключевая фигура — Р. Познер)». На этом фоне уже легче рассматривать характерные особенности книги, которой, несомненно, суждена долгая жизнь и частое цитирование в юридической науке не только США, но и теперь России.

Прежде всего эта книга — своего рода энциклопедия основных результатов (Тамбовцев, 2004, с. XIV), полученных в рамках экономического анализа права применительно к системе англосаксонского (общего) права, содержащая подробные описание и анализ методологии и методов получения этих результатов, а также богатую библиографию по теме.

В книге последовательно и систематически излагается применение экономического анализа ко всем (точнее — ко многим) отраслям материального и процессуального права. Впечатляет уже сам перечень названий частей и глав книги:

Часть I. Право и экономика. Введение (главы: «Природа экономического мышления»; «Экономический подход к праву»);

Часть II. Общее право (главы: «Собственность»; «Контрактные права и средства их защиты»; «Семейное право и регулирование сексуальных отношений»; «Законодательство о неумышленном причинении ущерба»; «Уголовное право»; «Общее право, история права и юриспруденция»);

Часть III. Государственное регулирование рынка (главы: «Теория монополии»; «Антимонопольное законодательство»; «Регулирование трудовых отношений»; «Регулирование коммунальных служб и общественного транспорта»; «Выбор между государственным регулированием и общим правом»);

Часть IV. Правовое регулирование экономических организаций и финансовых рынков (главы: «Корпорации, обеспеченное и необеспеченное финансирование, банкротство»; «Финансовые рынки»);

Часть V. Право и распределение дохода и богатства (главы: «Неравенство доходов, распределительная справедливость и бедность»; «Налогообложение»; «Передача богатства по наследству»);

Часть VI. Правовой процесс (главы: «Рынок, система состязательности в суде и законодательный процесс как методы аллокации ресурсов»; «Процесс формирования правовых норм»; «Гражданский и уголовный процесс»; «Принуждение к исполнению правовых норм и администрирование»);

Часть VII. Конституция и федеральная система (главы: «Природа и функции конституции»; «Экономически оправданная надлежащая правовая процедура»);

«Экономическая теория федерализма»; «Расовая дискриминация»; «Защита свободных рынков идей и вероисповедания»; «Обыски, конфискации и допросы»).

То, что книга написана живым классиком и признанным лидером в области экономического анализа права, еще более увеличивает ее ценность, ибо позволяет познакомиться с современной методологией этого анализа, как говорится, из первых рук. К тому же книга написана как учебник, каждая глава которого заканчивается списком рекомендуемой литературы (англоязычные публикации) и вопросами по теме главы (внутри глав много ссылок на прецеденты из американской судебной практики); книга снабжена именным и подробным предметным указателями.

Вместе с тем, стоит заметить (но это уже сугубо личное впечатление автора данной статьи), что после многочисленных изданий в России американской учебной литературы по экономической теории (таких, как (Макконнелл, Брю, 2005; Самуэльсон, Нордхаус, 1999)), книга Р. Познера уже не порождает того ощущения необычайной новизны в плане изложения экономической теории, которое она, несомненно, породила бы, будь издана хотя бы десятилетием ранее (на «дыру» в списке переводной экономической литературы в связи с Р. Познером указывали уже в 2001 г. (Нуреев, Латов, 2001)). Сегодня же эта книга фактически представляет собой (но это опять-таки сугубо личное и, возможно, ошибочное восприятие автора статьи) американский капитальный учебник для юристов по институциональной экономике, своего рода фундаментальное изложение экономической теории для юристов.

Но что действительно впечатляет, что сразу выделяет эту книгу среди других публикаций по проблемам экономического анализа права, так это методологический подход к теме, концептуально единый и неуклонно последовательно проведенный на протяжении почти тысячи страниц и по всем отраслям материального и процессуального права.

Именно этим, как представляется, данный учебник настолько уникален, что сравнивать его в этом плане просто не с чем, ибо ничего подобного ему на русском языке до сих пор не было, хотя публикаций, полностью или частично посвященных вопросам экономического анализа права, в России опубликовано уже так много, что их сколь-нибудь представительный список приложить к статье невозможно (появился даже журнал «Экономическая теория преступлений и наказаний»). К этому добавим, что в книге Р. Познера удачно (настолько, что любой эпитет здесь будет недостаточным для характеристики блестящей книги) сочетается полнота охвата отраслей материального и процессуального права с анализом экономической сути вопросов и проблем, характерных и (или) актуальных для них; изложение экономической теории с примерами из судебной практики; изложение проблем современной юриспруденции с примерами из экономической действительности.

Книга привлекательна также и тем, что позволяет по-иному взглянуть на правовые нормы, до этого воспринимавшиеся как нечто, само собой разумеющееся; об этом явлении хорошо сказал Пол Хейне (Хейне, 1991, с.19): «Если мы долгое время полагали нечто самоочевидным, то даже понять, к чему же, собственно говоря, мы привыкли, становится очень трудно».

Поскольку книга написана применительно к системе англосаксонского (общего) права, причем на базе законодательства и судебной практики США (авторы (Цвайгерт, Кётц, 1998, с. 373) пишут, что «как утверждают, США имеют наиболее сложную правовую структуру, которая когда-либо была придумана и запущена в ход человеком, чтобы управлять себе подобными»), то прямая трансляция ее в область российского права невозможна, слишком много различий принципиального характера между системой общего права и романо-германской правовой семьей (об опасностях использования выводов из анализа одних правовых порядков применительно к другим см., например, монографию (Кох, Магнус, Моренфельс, 2003, с. 328–330); экономический анализ досто-

инств и недостатков правовой системы прецедентов содержится в книге Р. Познера, в частности в главах 19 «Рынок, система состязательности в суде и законодательный процесс как методы аллокации ресурсов» и 20 «Процесс формирования правовых норм»).

В яркой и образной манере указанные различия охарактеризованы ведущими специалистами в области сравнительного правоведения (Цвайгер, Кётц, 1998, с. 110) так: «В английском общем праве традиция развивалась постепенно путем накопления опыта судебных решений. Его исторические корни лежат не в писаных законах, а в прецедентах. Континентальное же право, наоборот, пошло по пути рецепции римского права, начав с толкования свода законов (кодекса) Юстиниана и закончив включением абстрактных норм в национальные кодексы. Таким образом, наука общего права по происхождению — судебная, а континентального — схоластическая. В Англии знаменитыми юристами становились судьи, а на континенте — профессора юриспруденции. На континенте толкование нормы заключается в стремлении определить ее истинное содержание — даже в случае возникновения непредвиденных случаев, возникающих в наши дни. В Англии и США высказывания ученых-юристов носят характер чуть ли не предсказаний. Это различие в стилях характерно для всей сферы права в целом. На континенте юристы мыслят абстрактно, понятиями правовых институтов, в США и Англии — конкретно, «прецедентно», с точки зрения отношений сторон, их прав и обязанностей. На континенте стремятся создать правовую систему без лагун, в США и Англии для юристов ориентирами служат судебные решения. На континенте испытывают радость от научной систематизации, в США и Англии царит глубокий скепсис по отношению к любым иссушающим душу обобщениям. На континенте оперируют понятиями, которые начинают часто жить собственной жизнью, что таит в себе опасность для тех, кто их применяет. А в Англии и США всему этому предпочитают наглядные представления о предмете и т. д.».

В связи с этим заметим, что в книге Р. Познера почти нет дефиниций, столь характерных для российской учебной литературы. Как тут не вспомнить римского юриста I–II вв. Яволена, утверждавшего (Дигесты Юстиниана), что «всякая дефиниция в гражданском праве опасна, ибо мало случаев, когда она не может быть опрокинута».

К сказанному следует добавить, что между национальными правовыми системами, принадлежащими романо-германской правовой семье также немало существенных различий — достаточно, например, сопоставить между собой Гражданский кодекс Российской Федерации, Гражданское уложение Германии (Гражданское уложение Германии, 2004) и Французский гражданский кодекс (Французский гражданский кодекс, 2004). Впрочем, последние годы в рамках Европейского сообщества наблюдается постепенная гармонизация правовых систем, в первую очередь по экономическим причинам; в противном случае «разнообразие правовых систем в условиях свободного перемещения компаний должно привести к тому, что компании, выбирая место нахождения наряду с экономическими, будут оценивать и правовые факторы. Компании, таким образом, смогут выбирать право, оптимально отвечающее их запросам. Это открывает возможность для так называемой “конкуренции законодателей”, когда государства-участники будут соревноваться в создании наиболее привлекательного для компания корпоративного права» (Дубовицкая, 2004, с. 59). На эту же тему см., например (Асосков, 2003; Старженецкий, 2004).

Что же касается российской судебной системы, то ей ближе позиция, охарактеризованная Иммануилом Кантом следующими словами (Кант, 1966, с.321): «Юрист-законник ищет законы, гарантирующие *мое и твое* (когда он действует — как и надлежит — в качестве должностного лица правительства), не в своем разуме, а в обнародованном и утвержденном высшими властями своде законов. От него нельзя по справедливости требовать доказательства истинности и

правомерности этих законов, так же как и защиты от высказываемых разумом возражений против них. В самом деле, только повеления указывают, что соответствует праву, и вопрос о том, соответствуют ли праву сами повеления, юрист должен отвергнуть как нелепый» (курсив источника).

Впрочем, немаловажное значение судебного прецедента в российской судебной практике не признается лишь на официальном уровне, практикующие же юристы часто думают иначе и действуют с учетом сложившейся судебной практики. Например, в постановлении Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.03.2004 по делу № А56-15464/03 прямо указано: «В данном случае решение суда вынесено с нарушением норм процессуального права, подлежит отмене с направлением дела на новое рассмотрение. При новом рассмотрении дела суду в целях единообразия в толковании и применении норм права (статья 304 АПК РФ) следует учесть позицию Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по курсовым разницам, изложенную в постановлении от 21.10.2003 № 3720/02» (в статье 304 Арбитражного процессуального кодекса РФ указано, в частности, что судебные акты арбитражных судов, вступившие в законную силу, подлежат изменению или отмене, если при рассмотрении дела в порядке надзора Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ установит, что оспариваемый судебный акт нарушает единообразие в толковании и применении арбитражными судами норм права). Еще пример из постановления Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28.01.2004 по делу № Ф04/458-1699/А03-2003: «Поскольку принятый судебный акт нарушает единообразие в толковании и применении арбитражными судами вышеназванной нормы права (пункт 1 статьи 304 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации), кассационная инстанция считает довод налогового органа о неправильном применении положений статьи 6 вышеуказанного Закона убедительным».

Возвращаясь к книге Р. Познера, укажем, что экономические модели, используемые в ней для анализа юридических конструкций, в большинстве случаев простотой не отличаются и требуют размышлений, в первую очередь, из-за специфики правовой системы, в рамках которой эти конструкции возникли, но (и это большое достоинство книги, предназначенной, в первую очередь, для юристов) в немалой степени и из-за тех тонких наблюдений, нюансировки, вниманием к деталям, которыми отличается изложение материала в книге.

Вместе с тем автор книги остался верным своим заявлениям о том, что «теория, которая стремится точно воспроизвести сложность эмпирического мира в своих допущениях, не является теорией — объяснением, — но лишь описанием... Когда экономист простую экономическую модель стремится сделать более сложной, например пытается ввести... такие факторы, как избегание риска и информационные издержки, он рискует оказаться в системе со слишком большим числом степеней свободы, т. е. получить столь гибкую модель, что ни одно эмпирическое наблюдение не может опровергнуть ее, а это равнозначно тому, что ни одно эмпирическое наблюдение не может и подтвердить ее (Познер, 2004, с. 21–22). И еще: «Лучшей проверкой для теории является ее предсказательная сила, а не реализм ее допущений» (Познер, 2004, с. 302).

Для российского читателя, привыкшего к ведущимся в нашем обществе частым дискуссиям о справедливости в экономике и праве, будет интересен взгляд американского автора на эту тему. Как отмечает Р. Познер (Познер, 2004, с. 359), «если общество не пронизано завистью, увеличение “размера пирога” заслуживает не меньшего внимания, чем попытки сделать его куски более равными; по крайней мере, оно заслуживает хотя бы некоторого внимания». Из последнего, конечно, никак не следует, что автор книги не склонен считать проблему справедливости маловажной; он сам же указывает, что «возможно, основной этической проблемой, возникающей при эффективном подходе к общему праву, является расхождение между максимизацией эффективности и представлениями

о справедливом распределении богатства» (Познер, 2004, с. 358), впрочем, «справедливость шире экономики» (Познер, 2004, с. 37). Представляется, что проблема здесь, в значительной степени, коренится в том, что «право не только факт, но также и идея, понятие и, кроме того, определенный ценностный критерий. Оно неизбежно имеет интеллектуальный и моральный параметры. В отличие от чисто интеллектуальных и моральных критериев, право должно применяться на практике, но, в отличие от чисто материальных явлений, оно состоит из идей и ценностей» (Берман, 1998, с. 532). Некоторые размышления автора данной статьи на эту тему см. в работе (Мосин, 2002, с. 183–189).

Столь же интересным на фоне некогда господствующего, а теперь хотя и потерявшего былую власть, но все еще популярного мнения о всемогущей и эффективной «невидимой руке» рынка, интересна демонстрация Р. Познером того, что «экономическая логика права не всегда является логикой эффективности» (Познер, 2004, с. 435), что «последовательность шагов, каждый из которых имеет экономический смысл в свете предшествующих, может в целом вообще не иметь экономического смысла» (Познер, 2004, с. 451); а на фоне популярного в российском обществе тезиса о том, что иные законы все бы исправили в России, — его замечание: «Мудрость права не безгранична» (Познер, 2004, с. 106).

При этом интересны сами экономические интерпретации терминов, привычных для юриста; например, через убедительно проиллюстрированные на многих страницах книги тезисы: «Угроза ответственности является видом цены, назначаемой заранее» (Познер, 2004, с. 362); «... право на требование чего-либо не содержит права взять это силой, но оно может ослабить ощущение неуместности этой силы» (Познер, 2004, с. 297).

Любопытна переключка Р. Познера с нобелевским лауреатом по экономике Джеймсом Бьюкеном по вопросу изменения ценности определенной системы законов со временем (большая для России тема, см., например (Концепция стабильности закона, 2000)). Джеймс Бьюкенен (Бьюкен, 1997, с. 366): «Система законов, формализованы ли они на практике или нет, представляет из себя общественный капитал, отдача от которого повышается с течением времени». Р. Познер (Познер, 2004, с. 719, 720): «С экономической точки зрения совокупность прецедентов в праве является основным капиталом, а именно запасом знаний, который приносит пользу в течение многих лет потенциальным участникам споров в форме информации о правовых обязательствах. Капитальные блага обесцениваются; ценность оказываемых ими услуг снижается с течением времени... Темпы обесценения прецедентов могут быть оценены путем использования числа обращений к данному решению как к критерию прецедентной ценности решения».

Для российского читателя книга Р. Познера интересна и полезна не только и, пожалуй, в первую очередь, не столько тем, что она показывает достижения экономического анализа в области системы общего права (точнее — права США, ибо системы английского общего права и американского общего права имеют существенные различия), сколько тем, что она показывает новые возможности и открывает новые перспективы для анализа экономической основы российского права — кодифицированного права.

Что же касается непосредственного перенесения в судебные залы подхода к разрешению судебного спора с позиций максимизации экономической эффективности и минимизации социальных издержек для всего общества (а именно такой подход часто демонстрируется в книге Р. Познера; к тому же сама система судебных прецедентов делает его вполне возможным, по крайней мере, в принципе, хотя, как показывает Р. Познер, вопрос «Что максимизируют судьи» не прост и в рамках американской судебной практики (Познер, 2004, с. 713–717)), то, к счастью, специфика романо-германской правовой системы в целом и российской правовой системы, в частности, такова, что непосредственная реализация этого представляется невозможной; к счастью, «чтобы добиться

реализации собственных амбиций и интересов, их нередко прикрывают правовыми одеждами» (Радбрух, 2004, с. 2003). В России сегодня их нередко прикрывают правовыми одеждами законодатели; можно себе представить, что случилось бы, если бы указанный подход стал бы обязательным непосредственно в судебных залах. Картина станет еще более удручающей, если учесть, что в судах и сегодня государство и общество обычно толкуются как синонимы, и представить перспективу разрешения, например, налоговых споров на фоне тенденции к усилению налогового администрирования «в интересах общества». А, как заметил Р. Познер (Познер, 2004, с. 709), «... “толкование” правовых норм не всегда может быть лишь толкованием, но иногда может служить формой политической деятельности правосудия».

Что же касается сути предложений (если их можно так назвать) Р. Познера, то представляется, что будущее все же за ними (конечно, с существенными оговорками, учитывающими проблемы распределения доходов в обществе), ибо не только прецедентное право США, но и кодифицированное право России наглядно демонстрируют свое «подражание» рынку в стремлении достичь такого распределения прав собственности, к которому стремится рынок и его экономические агенты, но достижению которого препятствуют трансакционные издержки, присущие обмену через рынок. И в этом плане роль и значение экономического анализа права еще более повышаются и актуализируются. Правда, возникает вопрос цены законодательного оформления такого «подражания», ибо, как показывает Р. Познер, законодательная деятельность тоже сопряжена с трансакционными издержками, которые могут быть высокими. В последнем случае они превращаются в барьеры на этом пути. Р. Познер (Познер, 2004, с. 710): «Наиболее важное процедурное правило — требование, чтобы законодательные нормы (включая поправки и отменяющие акты) принимались большинством голосов. Это требование делает принятие законов сложным и длительным процессом вследствие трансакционных издержек достижения соглашения между большим числом индивидов».

Применительно к России проблема осложняется еще более, ибо, как замечено (Хейне, 1991, с. 691–692), «наверное было бы легче договориться о том, как работает экономика, если бы мы имели единую точку зрения на то, как она должна работать. Но поскольку этого согласия нет, остается только продолжать дискуссии, всегда пребывая в неуверенности относительно правильности найденного решения».

Как показывает российская практика, «конституционным правилам остается место при том условии, что начальственная поддержка сторон неясна или кажется примерно равной» (Арановский, 2003, с. 546). Впрочем, не только российская практика дает повод утверждать (Познер, 2004, с. 725): «Правила создают побуждение к созданию исключений...», российская практика лишь дает повод утверждать это гораздо чаще, чем, скажем, американская. Впрочем, как заметил нобелевский лауреат по экономике Джеймс Бьюкенен (Бьюкенен, 1997, с. 346), «в соответствии с принципом рациональности, понимаемом в узком смысле, индивид будет прилагать усилия к тому, чтобы все остальные были »законопослушны" в максимальной степени, а он — в минимальной».

В то же время экономический анализ российского права — тема, несомненно, актуальная, что признается ведущими российскими юристами: «Если правовая наука не сможет решить поставленных задач по переводу экономических законов в правовые принципы и нормы права, а действующее законодательство и государство не создадут надлежащих правовых средств, способных обеспечить действие экономических законов, то общество, его экономика могут оказаться в кризисном состоянии. Выход из такого состояния может осуществиться не ранее чем общество и государство осознают экономические закономерности, правильно переведут их в форму правовых принципов и норм права, а также окажутся способными обеспечить реальное действие этих норм права» (Сырых,

2000, с. 69). Однако, судя по замечанию (Тамбовцев, 2004, с. XV), в адрес юристов, все пока в основном признанием и ограничивается (оговорка «в основном», поскольку первые исследования, выполненные юристами, уже появляются, например (Домаков, 2003).

И, безусловно, права автор (Кирдина, 2004, с. 95): «Современная Россия для обществоведов — гигантская научная лаборатория, где в режиме реального времени осуществляются грандиозные социальные эксперименты». Сомнительным представляется только эпитет «научная»; сомнительным, по крайней мере, с точки зрения тесноты взаимосвязи права и экономики России. Забавным подтверждением сомнения в научности «лаборатории» является диалог исполнительного директора компании «ТНК-ВР менеджмент» Германа Хана и главы Минэкономразвития Германа Грефа, состоявшийся 11 марта 2005 г. в Министерстве экономического развития и торговли на заседании (с участием представителей российского бизнеса) по обсуждению законопроекта о защите конкуренции, когда речь зашла о предлагаемой правовой новелле — норме о коллективном доминировании на рынке (несколько компаний, занимающих в совокупности доминирующее положение на рынке, злоупотребляют им, например, чтобы повысить цены на свою продукцию) (Корнышева, 2005) — Герман Хан (усомнившийся в том, что, как пишет журналист, «российские суды смогут адекватно истолковывать и применять эту норму»): «Закон призывает нас обращаться к судебной практике. Однако российская судебная система такова, что, кроме излишней коррупции и дополнительных проблем для бизнеса, ничего подобные нормы не принесут»; Герман Греф: «Если исходить из вашей логики, что судебная система не готова применять такие нормы, то вам сначала надо было бы лет 15 пробыть директором магазина, а только потом разрешить нефтяную компанию приватизировать. Вы что, предлагает судьям тренироваться на кошках?». Ответ сразу напоминает известный анекдот, где большевиков осуждают за то, что, в отличие от академика И.П. Павлова, они начали сразу с людей, а не с собачек. Что же касается самой новеллы, предлагаемой в антимонопольное законодательство, то представляется, что г-н Хан, конечно, прав, полагая, что она приведет к росту коррумпированности.

В России признание актуальности указанной темы имеет давние корни, в том числе и идеологические. Ведь многие годы суть связи права и экономики характеризовалась схемой: право есть концентрированное выражение политики, а политика — концентрированное выражение экономики (ср., например: «юрист воображает, что оперирует априорными положениями, а это всего лишь отражение экономических отношений» (Маркс, с. 418). Эта схема не учитывает многие существенные экономико-правовые реалии, хотя, вместе с тем, давно отмечалось, что «экономическое движение в общем и целом проложит себе путь, но оно будет испытывать на себе также и обратное действие политического движения, которое само создало и которое обладает относительной самостоятельностью» (Маркс, Энгельс, с. 417).

В связи с этим заметим, что статистический анализ влияния импортирования различных институтов на уровень и динамику экономического развития стран с переходной экономикой (Импортированные институты..., 2003, с. 81) показал, что такие факторы, как гарантии базовых прав (неприкосновенности личности, свободы слова и частной собственности), существенно более значимы, чем, например, такие институты, как банковская и налоговая системы, предпринимательское право и правоприменительные практики («при всей бесспорной важности последних»): «Отсутствие неприкосновенности вкладчика, акционера, налогоплательщика, наконец, избирателя и кандидата полностью меняют содержание известных в развитых странах институтов — “институтов капитализма” и институтов общественного выбора — демократического принятия решений».

В связи с этим применительно к России стали актуальными, теоретически интересными, а практически полезными исследования не только в рамках эко-

номического анализа позитивного права, но и за его рамками — экономический анализ неформальных правил, конкурирующих с нормами позитивного права и по своему фактическому статусу нередко их превосходящих (воспринимаемыми как более значимые) для бизнес-сообществ или их заменяющих (см. на эту тему или близко к ней, например (Латов, 1999; Ляско, 2003; Олейник, 2001; Радаев, 2001; Тимофеев, 1999; Скуфына, 2004)).

Интересна еще одна тема, которая, насколько известно автору статьи, до сих пор не исследовалась в деталях и по кругу отраслей права, — экономический анализ сосуществования, взаимодействия, взаимовлияния и противоборства двух систем: системы позитивного права и системы неформальных правил, факторы их выбора, применения, смены, противостояния их приверженцев и т. п. Наверное, здесь уместно процитировать Р. Познера (Познер, 2004, с. 716): «...последовательное пренебрежение экономической логикой со стороны судей побуждает стороны контрактных отношений к замещению судебного разрешения конфликтов частным третейским судом».

Заметим, что нечто с натяжкой подобное этим системам с противостоянием (точнее, враждой) их приверженцев уже имело место в российской истории: «В аграрной экономике России 1861—1917 г. возникла ситуация неполной спецификации прав собственности: помещики в соответствии с официальным правом считали это право своим, но и крестьяне в соответствии с традиционным правом — тоже своим. Если в глазах помещиков требования «землю — крестьянам» выглядели преступным посягательством на чужую собственность, то и для крестьян помещики после реформы 1861 г. стали бесчестными «прихваторами», присвоившими чужую землю. Каждая из конфликтующих сторон была права в рамках «своей» системы права, но не права в рамках «чужой» (Ковалев, Латов, 2000, с. 113).

Здесь уж аналогия с нынешней Россией сама собой напрашивается, если (что не составляет особого труда) предварительно провести аналогию между менталитетом постреформенного — дореволюционного крестьянства в части его отношения к собственности на землю, с одной стороны, и менталитетом части населения современной России с его остатками представлений о сущности социалистической собственности, с другой стороны. То что многие заблуждались относительно того, кому в действительности принадлежало то, что именовали социалистической собственностью, сути здесь не меняет, ибо в данном случае важно не то, кому она фактически принадлежала, а важно то, что думало население по этому поводу (а многие думали, что эта собственность не только должна принадлежать, но и фактически принадлежит всему народу).

После этого совсем уж легко провести параллель с тем, что для немалой части нынешнего населения не только все олигархи, но и многие далеко отстоящие от них (хотя бы те же «ларечники») тоже «стали бесчестными «прихваторами», присвоившими чужую землю». И вслед за авторами (Ковалев, Латов, 2000) можно уверенно повторить: «Каждая из конфликтующих сторон была права в рамках «своей» системы права, но не права в рамках «чужой»». Но если это можно уверенно повторить, то можно уверенно сказать и то, что логически следует из проведенных параллелей: в России указанные противоречия между законом и массовым правосознанием работают как мультипликатор негативных экстерналий бизнеса. Причем следует отметить, что в данном случае можно говорить о мультипликаторе, который формировался в общественном сознании народных масс не одно столетие: не только в период после большевистской революции 1917 г., но и до этого. Ведь с точки зрения формирования общественного сознания определенной, весьма специфической направленности вовсе не принципиально, в связи с чем оно так формировалось (в связи с только земельной собственностью или в связи с социалистической собственностью, включающей в себя и земельную); важно только в каком направлении шло это формирование (имеется в виду важность для целей в контексте темы).

В заключение статьи хотелось бы заметить, что при всей исключительной важности исследования права, правовых институтов с позиций современных экономических учений, нет сомнений в актуальности их исследования и с учетом влияния других факторов, роль и значение которых в разные эпохи различна, — история права в России яркое тому подтверждение. «Истина, по-видимому, состоит в том, что экономические факторы более весомы в одни эпохи и в одних регионах мира, политические факторы — в других, религиозные — в третьих, правовые — в четвертых и так далее и что решающее значение во все времена и во всех регионах имеет способ взаимодействия этих различных факторов» (Берман, 1998, с. 521).

Источники

- Арановский К. В.* Конституционная традиция в российской среде. СПб., 2003.
- Асосков А. В.* Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте. М., 2003.
- Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. М., 1998.
- Бьюкенен Д.* Границы свободы. Между анархией и Левиафаном // *Бьюкенен Д. М.* Сочинения. М., 1997.
- Гражданское уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому уложению / Пер. с нем.; науч. ред. А. Л. Маковский и др. М., 2004.
- Дигесты Юстиниана. Книга 50. Титул 17. Фрагмент 202.
- Домаков В. В.* Право собственности на этапе реформирования российской экономики. СПб., 2003.
- Дубовицкая Е. А.* Европейское корпоративное право: Свобода перемещения компаний в Европейском сообществе. М., 2004.
- Импортированные институты в странах с переходной экономикой: эффективность и издержки // Науч. тр. Ин-та экономики переходного периода. 2003. № 68.
- Кант И.* Спор факультетов // *Кант И.* Соч. в 6 т. М., 1966. Т. 6.
- Капелюшников Р. И.* Экономическая теория прав собственности. М., 1990.
- Кирдина С.* Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопросы экономики. 2004. № 10.
- Ковалев С., Латов Ю.* «Аграрный вопрос» в России на рубеже XIX–XX вв.: попытка институционального анализа // Вопросы экономики. 2000. № 4.
- Концепция стабильности закона / Отв. ред. В. П. Казимирчук. М., 2000.
- Корнышева А.* Герман Греф защитил конкуренцию // Коммерсантъ. 2005. 14 марта.
- Кох Х., Магнус У., фон Моренфельс П. В.* Международное частное право и сравнительное правоведение / Пер. с нем. М., 2003.
- Латов Ю.* Экономическая теория преступлений и наказаний // Вопросы экономики. 1999. № 10.
- Ляско А.* Доверие и трансакционные издержки // Вопросы экономики. 2003. № 1.
- Макконнелл К. Р., Брю С. Л.* Экономикс: принципы, проблемы и политика. М., 2005.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37.
- Мосин Е. Ф.* Противоречия между законом и массовым правосознанием как мультипликатор негативных экстерналий бизнеса в переходных экономиках (к постановке задачи исследования) // Жизнь и безопасность. 2002. № 3.
- Нуреев Р., Латов Ю.* «Плоды просвещения» (русская неоклассика и неонституционализм на пороге III тысячелетия) // Вопросы экономики. 2001. № 1.
- Олейник А.* «Бизнес по понятиям»: об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики. 2001. № 5.
- Познер Р. А.* Экономический анализ права: В 2 т. / Пер. с англ. СПб., 2004. Т. 1.
- Радаев В.* Деформализация правил и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности // Вопросы экономики. 2001. № 6.
- Радбрух Г.* Философия права. Пер. с нем. М., 2004.
- Самуэльсон П. А., Нордхаус В. Д.* Экономика: Пер. с англ. — М., 1999.
- Скуфьяна Т., Баранов С.* К вопросу о высоких технологиях, издержках легализации и путях их снижения // Вопросы экономики. 2004. № 2.
- Старженецкий В. В.* Россия и Совет Европы: право собственности. М., 2004.
- Сырых В. М.* Логические основания общей теории права: В 2 т. Т. 1. Элементный состав. М., 2000.
- Тамбовцев В. Л.* // Познер Р. А. Экономический анализ права: В 2 т. / Пер. с англ. СПб., 2004. Т. 1.
- Тимофеев Л.* Наркобизнес как экономическая отрасль (теоретический подход) // Вопросы экономики. 1999. № 1.
- Французский гражданский кодекс. СПб., 2004.
- Хейне П.* Экономический образ мышления. М., 1991.
- Цвайгерт К., Кёйтц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т. / Пер. с нем. М., 1998. Т. 1.

В. В. Быков

доцент кафедры экономической теории и мировой экономики Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

НИЩЕТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ или что же объясняют экономисты

(по поводу книги: Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. М.: НП Журнал «Вопросы экономики», 2004. — 416 с.)

В последние годы интерес к экономике в ее прикладном и теоретическом аспектах в нашей стране существенно увеличился. Изменилась и господствующая в экономической науке концепция — на смену марксизму пришло так называемое основное направление (main stream), ассоциируемое в первую очередь с маржинализмом. Вместе с тем знания наших ученых о современном состоянии мировой экономической науки крайне недостаточны. Особенно чувствителен дефицит переводной литературы, посвященный вопросам методологии и развития теории. Поэтому отрадным фактом для всех интересующихся экономической наукой стало издание на русском языке работы одного из крупнейших экономистов современности Марка Блауга «Методология экономической науки».

Для любой науки (или вида человеческой деятельности, претендующего на «научность») вопрос методологии, безусловно, важен, хотя он обычно не рассматривается в явном виде. Однако более чем за два века существования экономической науки сравнительно небольшое количество работ посвящено методологическим проблемам, хотя в любом значимом исследовании в неявной форме присутствует определенный методологический аспект. Вопрос методологии в чистом виде возникает в периоды кризиса существующих концепций. В последние десятилетия наметился кризис маржиналистской парадигмы, что вызвало новый виток обсуждения философско-методологических аспектов экономической науки.

Одна из центральных проблем методологии экономической науки — ее позиционирование среди прочих наук. Экономисты-теоретики (в том числе М. Блауг) не без оснований полагают, что экономика все же ближе к точным наукам, чем к гуманитарным (в качестве примера последних в книге часто приводится литературная критика). Заметим, что прежде чем проводить подобное позиционирование необходимо ответить на вопрос: что такое наука. Этот вопрос можно поставить в несколько ином ракурсе — допустимо ли в науке использовать «метафизические» категории. Под ними мы понимаем категории, которые невозможно точно определить, а также доказать или опровергнуть их существование. В экономической науке к таким категориям, безусловно, относятся центральные понятия классической и маржиналистской школ: «стоимость» и «полезность» соответственно (подробнее см.: Robinson, 1962). Еще более показательным примером использования подобных категорий является теология, предметом которой является Бог, но дать понятие Бога и логически доказать его существование невозможно. В последнее время получают развитие и другие «науки» подобного рода, которые мы назовем сверхестественными, например уфология. Является ли наукой исследование явлений и понятий, суще-

ствование которых не доказано? Если нет, то экономика не многим лучше уфологии. С другой стороны наука может находиться на различных стадиях развития и тот факт, что у нас нет доказательств существования НЛЮ, не позволяет вынести окончательное суждение об уфологии как ненауке.

С философской точки зрения водораздел между наукой и ненаукой образуют абстрактные понятия, которые не выводятся из накопленного опыта. Примером таких понятий сможет служить идеальный газ, которому приписываются определенные свойства и на их основе делаются определенные выводы. Вместе с тем наука может находиться на стадии накопления фактов и еще не перейти к абстрактным категориям. Поэтому, на наш взгляд, все виды человеческой деятельности, позиционирующие себя как наука, могут считаться таковой.

Более сложным является вопрос проверки достоверности полученных результатов. Для точных наук таким критерием истины может служить эксперимент, правда с рядом оговорок. При этом эксперимент никогда не может считаться достаточным подтверждением теории или основанием для ее признания ложной. В экономической науке эксперимент невозможен, поэтому основным критерием достоверности может считаться логическая состоятельность. Отметим также еще одну важную особенность любой науки — знание не носит характера абсолютной истины, а имеет значение только в определенный исторический период. В неестественных науках найти универсальные закономерности, сравнимые с законами термодинамики или законом всемирного тяготения невозможно, что создает дополнительные трудности для анализа достоверности результатов и корректности теорий.

Чтобы охарактеризовать экономическую теорию как науку необходимо определить, что является предметом ее изучения. Давид Рикардо ответил на этот вопрос так: «Определить законы, которые управляют этим распределением (дохода), — главная задача политической экономии» (Рикардо, 1958, с. 30). Такой подход к экономической теории был характерен для экономистов-классиков, основной целью исследований которых был поиск объективных закономерностей, существующих в экономике. Когда на смену классической парадигме пришел маржинализм, то взгляд на предмет экономической теории стал другим. М. Блауг приводит определение Л. Роббинса, согласно которому экономическая теория — это наука, изучающая распределение ограниченных средств между заданными, но конкурирующими между собой целями (Блауг, 2004, с. 214). Проще говоря, экономика (в понимании маржиналистов) это наука, изучающая выбор в условиях ограниченных ресурсов. Данный выбор осуществляется индивидами, следовательно, экономика в известном смысле становится наукой о человеческом поведении. Именно это обстоятельство и создает множество проблем для представителей маржиналистского направления. Человеческое поведение слишком сложно, и число степеней свободы слишком велико, чтобы давать достаточно точные прогнозы. Морис Алле выразил эту мысль следующим образом: «... нельзя понять эволюцию современных обществ..., нельзя даже просто эффективно участвовать в повседневной хозяйственной жизни, если не располагаешь обширными познаниями в истории, социологии и политологии» (Алле, 1995, с. 43). Действительно, поведение человека относится скорее к компетенции психологии и социологии, нежели экономики. Исторически экономическая наука была лишь частью «моральных наук», хотя сам этот термин совершенно некорректен, поскольку мораль и наука едва ли совместимы. Вместе с тем изучение ряда наук в комплексе является, несомненно, корректнее, чем выделять чисто экономический аспект поведения человека.

Загнав себя в тупик, маржиналисты придумали новую категорию — «экономический человек», наделив его рядом свойств, особое место среди которых занимает способность к рациональному поведению. Рациональность с экономической точки зрения означает «выбор в соответствии с полной, транзитивной структурой предпочтений при наличии совершенной и полученной бесплатно

информации», а в случае неопределенности «максимизацию ожидаемой полезности» (Блауг, 2004, с. 348). На принципе максимизации основана теория потребительского поведения и спроса. Однако человек слишком сложный объект исследования и максимизация полезности, как она представляется маржиналистами, не может быть доказана. Полезность сугубо субъективна, поэтому нельзя однозначно сказать будет ли, например забота о детях примером максимизирующего поведения. Более того, справедливо ли считать рациональными индивидами серийных убийц, которые, убивая, увеличивают свою полезность. Поскольку аргументы функции полезности в общем случае неизвестны, у нас пропадает основа для обобщения. Поэтому ряд теорий, таких как кейнсианство или институционализм, отказываются от принципа рациональности.

Теперь вернемся к проблеме верификации или фальсификации результатов. Многие экономисты, в частности М. Алле, считают совершенно необходимым проверку полученных результатов на практике. Эта проверка, безусловно, необходима, но даже в таких точных науках как физика нельзя в точности повторить эксперимент. Наблюдаемые экономические системы слишком изменчивы, поэтому в реальности мы не можем соблюсти ключевую предпосылку «при прочих равных условиях». Именно в силу этих причин любая эконометрическая проверка не является достаточно надежной. Как правило, она сводится, как отмечает Блауг, к простой верификации проверяемых гипотез (с. 362). Можно утверждать, что и большая часть эмпирических закономерностей, каких как кривая Филлиппа или закон Оукена носят условный характер, и могут быть опровергнуты при непредвзятой эконометрической проверке.

Тот факт, что экономическая теория не может иметь универсальных закономерностей приводит к неожиданному переходу от позитивных к нормативным суждениям. Например, одним из наиболее значимых экономических «законов» является закон спроса, который гласит, что при снижении цены объем спроса будет увеличиваться. Против данного закона существует ряд возражений. Во-первых, едва ли возможно доказать логическую возможность построения кривых спроса (подробнее см. Garegnani, 1983). Во-вторых, несмотря на общепринятый отрицательный наклон этих кривых, вполне возможно существование кривых спроса с положительным наклоном. Это может быть связано с парадоксом Гиффена или эффектом сноба. Поэтому в экономической литературе вместо позитивных суждений о виде кривых спроса часто появляются нормативные — спрос *должен* увеличиваться при снижении цены. Более правильно говорить о существующих в экономике закономерностях как о тенденциях. В случае спроса нам следовало бы говорить, что при падении цены объем спроса, *вероятно*, будет увеличиваться.

Итак, если экономическая наука не обладает универсальными закономерностями и эмпирическая проверка полученных результатов зачастую затруднительна, то существуют ли критерии и способы выделить релевантные теоретические концепции и провести их верификацию (фальсификацию). Любая наука должна обладать каким-то методом верификации, который не зависит от пристрастий ученых и позволяет сделать вывод о правомерности тех или иных концепций. Если в естественных науках таким методом является экспериментальная проверка результатов, то в экономике в качестве такого метода выступает логика. В любой науке реальный мир существенно отличается от идеальной картины, используемой в теории. Поскольку использовать какие-либо критерии «максимального правдоподобия» в экономике едва ли возможно, то фальсифицировать теоретические концепции можно только логически. Можно утверждать, что любую логически стройную и внутренне непротиворечивую концепцию можно считать истинной. Данный принцип заимствован из геометрии, где критерием истинности является получение непротиворечивых результатов из определенного набора аксиом. У нас нет критерия для того, чтобы вынести суждения о том, какая геометрия — Лобачевского или Римана, лучше. Более того,

используя другие аксиомы, можно получить совершенно другие результаты и эта наука (в случае логической непротиворечивости) будет считаться истинной, как и все остальные. Логический эксперимент обладает такой же, если не большей, чистотой, чем эксперимент в естественных науках, поэтому он может быть принят в качестве метода фальсификации.

Признавая главенствующую роль логики в экономическом анализе, эмпирическая значимость, безусловно, отходит на второй план. Не может быть логически несостоятельной, но эмпирически значимой теории. Ссылки на практическое значение зачастую представляют собой попытки спасти от полного краха давно устаревшие теоретические концепции. Наиболее показателен в этом отношении пример неоклассической теории капитала. После того, как в 1960-е г. была показана ее логическая несостоятельность и доказана возможность таких явлений, как обратное переключение и обратимость капитала, сторонники неоклассической теории выдвинули тезис о практической незначимости этих результатов. На наш взгляд, никакая ложная теория не может быть эмпирически значимой и сама процедура проверки на данных может осуществляться только после доказательства логической непротиворечивости.

Любая наука имеет прогностический и объясняющий аспекты. В экономической теории прогностический аспект проявляется не столь явно, поскольку экономические прогнозы, как правило, основаны на эконометрических исследованиях, которые страдают рядом серьезных недостатков. М. Блауг говорит о рецептах эконометрических исследований так: «... выразите гипотезу в форме уравнения, оцените несколько форм этого уравнения, выберите ту, которая наилучшим образом описывает ваши данные, избавьтесь от остальных, а затем переформулируйте ваши теоретические аргументы для рационального обоснования проверяемой гипотезы» (с. 363). Такие работы (а их большинство) представляют собой не более чем подгонку под заранее известный результат. Безусловно, прогнозы можно сделать на основании любой теории, но и они совершенно не обязаны сбываться хотя бы в силу изменчивости экономических условий и нарушения посылки «при прочих равных».

Теперь рассмотрим объясняющий аспект экономической науки. Объяснение есть ни что иное как «предсказание назад», поэтому экономисты могут объяснить лишь определенные события, имевшие место в тех или иных странах. Ценность таких объяснений невелика, поскольку спустя определенный период ясны каузальные зависимости, приведшие к этим событиям. Мы можем отойти от каузальности и перейти к функциональным зависимостям, но экономисты делают это исключительно для создания видимости «универсальных» закономерностей, которыми, как показано выше, экономическая наука не обладает.

Здесь уместно задаться вопросом — должна ли экономическая наука что-то объяснять и прогнозировать? Если мы считаем, что основой теории служит логика, то будет вполне достаточно создания логически стройных и непротиворечивых концепций. Действительно, не вполне очевидно, что объясняет и прогнозирует, неевклидова геометрия. Но она позволяет сказать, что при определенных аксиомах параллельные прямые пересекаются, а при другой аксиоматике расходятся. Эти выводы логически неопровержимы. Также и экономисты должны делать логически неопровержимые выводы на основе определенных посылок. Эмпирическое значение этих выводов не играет никакой роли, поскольку в социальных системах существует слишком много факторов, учесть которые невозможно. Любая настоящая наука является «игрой разума» и представляет интерес только для узкого круга ученых, которыми движет стремление к познанию и личные амбиции. Эти «игры разума» будут наиболее интересны, если ученые не будут связаны в своих изысканиях необходимостью что-то объяснять или прогнозировать.

Современная экономическая наука, основанная на маржиналистской научно-исследовательской программе (по терминологии Лакатоша) переживает

серьезный кризис. Становится все более очевидной логическая несостоятельность многих ее ключевых положений. Еще более пагубно то, что современные ученые слишком увлечены частными проблемами, которые не позволяют выявлять фундаментальные свойства экономических систем. Современные исследования страдают от многих методологических пороков, к числу которых относятся «математическое шарлатанство» и увлечение «дикой эконометрикой» (Алле, 1995, с. 96–98). Вообще экономика — достаточно своеобразная наука, круг проблем которой был достаточно точно обозначен еще Адамом Смитом. Только при максимально полном анализе проблем капитала, распределения, цен, экономического развития на основании постоянной постановки логических экспериментов возможен прогресс экономической науки.

Источники

- Алле М.* Экономика как наука. М., 1995.
Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. М., 2004.
Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. М., 1958.
Garegnani P. The classical theory of wages and the role of demand schedules in the determination of relative prices // *American Economic Review*. 1983. Vol. 73. P. 309–313.
Robinson J. *Economic Philosophy*. London, 1962.

Рецензии

Александр Д., Бриттон А., Йориссен Э. Международные стандарты финансовой отчетности: от теории к практике. Изд-во Вершина, Москва, 2005. — 416 с.

За последнее время отечественные авторы выпустили уже достаточно много книг, излагающих идеи МСФО. Но появление перевода на русский язык данной книги стало событием. Это связано с тем, что авторы учебника преподают на Западе и они ближе к делам и людям, эти стандарты составляющим.

Прежде чем дать нашим читателям представление о книге, следует заметить, что экономическая жизнь быстро меняется, но МСФО меняются еще быстрее. Нашим бухгалтерам это понятно по тому, с какой скоростью меняются ПБУ. Быстрота перемен не лучшим образом сказывается на учебниках. Пока книга печатается, она уже устаревает.

К сожалению, это обстоятельство имеет отношение к работе Дэвида Александра и его коллег. Оригинал учебник вышел в 2003 году, поэтому многие очень важные нововведения не нашли в нем отражения. Правда, научный редактор И.В. Аверчев (ведущий эксперт Московского фондового центра и ведущий аналитик Фонда развития бухгалтерского учета) в постраничных комментариях отметил требования МСФО, которые устарели, были отменены или заменены другими.

В книге четыре раздела.

1. *Принципы. Теория и регулирование.* Здесь приведен теоретический фундамент бухгалтерской отчетности и обоснование ее «интернационализации». Особую ценность представляют сведения о концепциях стоимости в контексте бухгалтерской отчетности. В сущности, это ключ к пониманию тех экономических основ, из которых исходили и исходят авторы МСФО. Приводимые положения поясняются простыми и очень наглядными примерами. Это важно, так как в самих МСФО и опубликованных в России книгах о МСФО только констатируются допустимые в бухгалтерской отчетности методы оценки, а достаточных разъяснений в них нет. Чтобы выработать профессиональное суждение, строить учетную политику (т. е. стратегию) надо не только знать, но и понимать правила, методы и последствия их применения или не применения.

2. *Годовые финансовые отчеты.* Здесь более детально изложены и проанализированы (даже местами в кратком сравнении с GAAP США) требования МСФО по отражению в отчетности наиболее важных (или распространенных) объектов (основных средств, в т.ч. аренды, нематериальных активов, финансовых инструментов, резервов, выручки, налогов на прибыль). В форме обзора изложены специальные темы представления отчетности (сегментная отчетность, события после отчетной даты, промежуточная отчетность, прибыль на акцию, учетная политика). Особенного внимания со стороны наших читателей заслуживают параграфы, посвященные налогу на прибыль (есть и обоснование и критика метода, и история вопроса — т. е. все, что нужно для понимания сути) и вознаграждениям работникам (наверное, самая новая, сложная и малопонятная тема, так как речь, в частности, идет о специфических обязательствах по пенсионному обеспечению, оценка которых определяется многими факторами, например, актуарными допущениями). В отличие от имеющихся публикаций, мы сталкиваемся не с пересказом, часто наивным, а иногда и ошибочным, тре-

бований МСФО, а видим четкое и осмысленное изложение современных проблем бухгалтерского учета.

3. *Консолидированная отчетность и многонациональные корпорации.* Эта часть посвящена методологии отражения в отчетности различных экономических, но не юридических, форм объединения бизнеса. Если исходить из прагматических соображений, то этот раздел больше всего пострадал от времени, так как наиболее серьезные нововведения, не попавшие в книгу, касаются именно составления консолидированной отчетности. Однако наших читателей, скорее всего, должна заинтересовать именно эта тема (в свете Концепции развития российского бухгалтерского учета и Закона о консолидированной отчетности). Новые требования, принятые МСФО к отчетности с 2005 г., с одной стороны, сузили набор альтернативных методов консолидации отчетности, но, с другой стороны, расширили возможности включения новых статей (таких, которые не были признаны в балансе дочерней компании, например, ее условных обязательств и ее торговой марки). Мнение авторов книги по данному поводу, а также по проблемам учета обесценения инвестиций и гудвила к сожалению не нашли отражения в тексте, а они принесли бы неоценимую пользу. Но нет худа без добра. Тот факт, что в книге рассмотрены в сопоставлении подходы к консолидации, в настоящее время исключенные из МСФО (метод объединения интересов, амортизация гудвила, отрицательный гудвил, метод переоценки чистых активов дочерней компании по «доле собственности»), позволяет лучше понять то, что осталось в силе.

4. *Финансовый анализ.* Очень хорошо, что по аналогии с нашими классическими учебниками анализ рассматривается как неотъемлемая часть бухгалтерского учета. И в этой книге, в ее предыдущих главах нас удачно подвели к тому, чтобы продемонстрировать условность методов анализа, развернуть анализ влияния применяемых стандартов на демонстрируемое имущественное, финансовое положение предприятия, результаты хозяйственной деятельности, итоги работы управленческого персонала, — этому посвящено несколько страниц в контексте несопоставимости финансовой отчетности (стр. 672—678).

Безусловно, рецензируемый труд будет полезен нашим читателям и как хороший учебник, и как толковый гид, объясняющий практикам исключительные трудности и проблемы, связанные с пониманием и применением МСФО.

В заключение несколько слов о переводе. Его нельзя оценить однозначно, поскольку надо рассматривать в контексте тех особенностей и традиций, которые сложились при переводе многочисленных экономических англоязычных работ и самих МСФО. Это особая тема и она заслуживает специального разбора.

Я. В. Соколов,
И. А. Смирнова,
Санкт-Петербургский
государственный университет

Соколов Я. В., Соколов В. Я. История бухгалтерского учета: Учебник. М.: Финансы и статистика, 2004. — 272 с.

В книге «История бухгалтерского учета» представлено детальное и всестороннее исследование происхождения, роста и развития бухгалтерского учета, начиная с его примитивных форм и заканчивая современными системами GAAP и IAS. Эксперты и консультанты в области реформ бухгалтерского учета стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза, желающие выяснить истоки современных проблем, найдут в ней сравнительное исследование истории бухгалтерии разных стран. Следует отметить, что в Северной Америке и Европейском Союзе рост интереса к истории бухгалтерии наблюдается уже в

течение трех последних десятилетий. Он выражается, в частности в увеличении числа публикаций на историческую тему. Эта тенденция сохраняется в академических кругах и в настоящее время.

Рецензируемая книга содержит краткую 270-страничную версию истории бухгалтерии, предназначенную студентам, а также всем тем, кто желает получить всестороннее, но, возможно, не исчерпывающее представление об этом предмете. Такая книга, безусловно, необходима, так как характерный для нее широкий и всесторонний охват всей истории бухгалтерского учета нельзя найти ни в одной другой известной работе. Она хорошо задумана и отличается стройным изложением материала. Ценность этой работы становится очевиднее в сравнении с двумя другими замечательными книгами: классическим исследованием Ричарда Брауна «История бухгалтерского учета и бухгалтеров», изданным в 1905 г. и современным исследованием Элиела Аша и Роберта Стриттматтера «Бухгалтерский учет в Советском Союзе» (1992). Первую работу можно сравнить с книгой Я.В. и В.Я. Соколовых в части периода истории бухгалтерского учета с древних времен и до 1917 г. Второй труд полезно сравнить с рецензируемой книгой в части советского периода истории бухгалтерии.

Книге Р. Брауна исполнилось сто лет. Она была издана к полувековому юбилею первых объединений бухгалтеров в Шотландии (1854—1855). Браун писал «Историю бухгалтерского учета и бухгалтеров», желая отметить эту знаменательную дату, поэтому у него не было намерения создавать исчерпывающий исторический труд. Основной в книге является вторая часть, в которой подробно описывается история развития организаций профессиональных бухгалтеров в Шотландии, а позднее и в других странах. Она посвящена, главным образом, эволюции профессиональных бухгалтерских организаций в англоговорящем мире и распространению в среде бухгалтеров особых обозначений, таких как «Присяжный бухгалтер» и «Сертифицированный общественный бухгалтер». Очевидно, повсеместное признание этих профессиональных титулов можно рассматривать как дань уважения придумавшим их шотландским бухгалтерам, которых автор книги очень чтит. Первые сто семьдесят страниц книги Брауна содержат обзор истории бухгалтерского учета и бухгалтеров. Вполне вероятно, что эти страницы истории бухгалтерии появились в книге с тем, чтобы многочисленные читатели, а возможно, и многие из бухгалтеров могли в полной мере оценить роль бухгалтерского учета в истории и его значение в современной жизни. Авторы рецензируемой книги тратят меньше страниц на описание деталей древней бухгалтерии, предпочитая сделать нечто более ценное: определить место античной бухгалтерии в историческом развитии в его социальном и экономическом контексте. Таким образом, выявляется подлинное значение бухгалтерского учета как в событиях прошлого, так и в современном мире. Одна из главных задач исторического исследования как раз и состоит в том, чтобы через прошлое лучше понять настоящее и избежать ошибок в будущем. Эту работу можно оценить как превосходное исследование дореволюционного периода в истории бухгалтерского учета даже в сравнении с классическим трудом Брауна, и это неудивительно, так как авторы задумывали представить полное обозрение истории учета в контексте социальных, экономических и политических преобразований. Перед Р. Брауном стояла иная цель — подчеркнуть историческое значение шотландских бухгалтерских организаций. Первая часть книги поэтому была призвана объяснить важность истории бухгалтерского учета, а значит и важность первых профессиональных организаций бухгалтеров (в Шотландии). Во второй части книги автор сообщает сведения о первых годах деятельности профессиональных бухгалтерских объединений в Шотландии и о распространении этого новшества по всему миру, тем самым «утверждая» особую историческую роль первых шотландских организаций.

Особый характер рецензируемой книге придает вступительная глава, в которой оценивается роль бухгалтерского учета и его место в ряду академических

наук. Авторы обоснованно утверждают, что, несмотря на специальную методологию, позволяющую рассматривать бухгалтерский учет как самостоятельный предмет, он, тем не менее, тесно связан с социальными и прикладными науками. Следующие главы книги посвящены истории бухгалтерского учета в различных странах. При этом идет ли речь о бухгалтерском учете в Древнем Египте или об успехах двойной бухгалтерии в эпоху Ренессанса или о бухгалтерском учете в социалистических странах, авторы в своем повествовании стремятся показать движущие силы эволюции учета, социально-экономическое окружение и институциональные рамки, в которых она проходила. Этот подход позволяет читателю погрузиться в культурную среду различных эпох, получить полное представление о развитии бухгалтерского учета и его применении в каждой из рассмотренных стран. На протяжении всей книги бухгалтерский учет рассматривается как часть социальной и политической действительности, вне связи с которой нельзя изучать его историю.

История бухгалтерского учета в Советском Союзе рассматривается авторами в связи с социальными, политическими и экономическими условиями советского времени. Этим отличается и книга Элиела Аша и Роберта Стриттматтера «Бухгалтерский учет в Советском Союзе». Авторы не ставили перед собой цели написать историю советского учета. В своей книге они намеревались дать представление о советском бухгалтерском учете по состоянию на 1991 г. или около того. Историческая ретроспектива, представленная в работе — не более чем способ наиболее полно раскрыть содержание советской бухгалтерии. В этой связи неудивительно, что книга Я. В. и В. Я. Соколовых, задуманная и написанная как труд по истории учета, лучше раскрывает историческое развитие бухгалтерии в советский период, нежели прекрасно написанный и великолепно структурированный «Бухгалтерский учет в Советском Союзе».

В заключение отметим, что из всех известных работ по истории бухгалтерского учета рецензируемая книга по своему содержанию и стилю изложения является лучшей. Сравнив ее с другими замечательными работами, в которых подробно раскрываются отдельные периоды истории учета, можно сказать, что по своей сбалансированности она их превосходит. Благодаря прекрасной структуре она исторически точна и богата ссылками на социальные, политические и экономические события прошлого.

А. Джатэжь, Р. Сарикас
Университет Огайо, США

(Перевод Д. А. Львовой)

Обербринкманн Ф. Современное понимание бухгалтерского баланса / Пер. с нем. М.: Финансы и статистика, 2003. — 416 с.

Книга Франка Обербринкманна наверное последний классический немецкий труд по балансоведению и национальному балансовому праву. Начавшийся в XXI в. переход на отчетность, составленную по международным стандартам с неизбежностью смещает фокус бухгалтерских исследований в сторону от традиционных понятий, и в этом качестве современное понимание бухгалтерского баланса приобретает особую ценность, так как она не только завершает огромную эпоху развития теоретической мысли, но и позволяет понять источник, предысторию теории современной. Для русского читателя она интересна вдвойне, так как исследования в области балансоведения прекратились с окончательным водворением у нас социалистического учета и чрезвычайно приятно видеть современный труд по казавшему бы забытому направлению.

Книга содержит широкую панораму немецкого балансоведения, составленную по принципу болеро. Балансовая теория рассматривается путем сопоставления статической и динамической парадигм баланса, названия которых именно немецкой школой были «перенесены из математики в терминологию счетоводства». При этом автор постоянно рассматривает одни и те же принципы учета: реализации, неравенства, сопоставимости, осмотрительности на разных этапах развития балансовой теории. Рассматривая баланс как часть общей системы права, Обербринкманн начинает его исследование с трудов Савари, любопытно, что французская школа учета, положившая начало балансовому праву, рассматривается только как начало, отправная точка развития балансоведения, полностью связанного с деятельностью немецких бухгалтеров, Жак Савари (1622—1690) — единственный французский бухгалтер, на которого ссылается Обербринкманн. Развитие балансовой теории рассматривается по периодам его регламентации: изменениям в гражданском законодательстве Германии. Каждому из юридических этапов соответствует более высокий уровень развития балансовой теории. Подробно рассматриваются труды классиков немецкого учета: Шмаленбаха, Шеффлера, Штауба, фон Вильмовского, Сайдлера, Леффсона, Мокстера и др. Анализ теоретических вопросов Обербринкманн ведет применительно к положениям права, законодательство не только выступает фоном и пробным камнем, как это принято обычно в русской литературе, но самой теорией: балансовым правом, которое не мыслимо вне законодательства. Именно поэтому вне анализа автора оказался органический баланс Фрица Шмидта (1882—1950), идеи которого чрезвычайно популярны в современной теории, но они не получили признания на правовом уровне.

В центре анализа Обербрикманна лежит оценка активов и пассивов, принципы которой определяются природой баланса. Автор скрупулезно рассматривает влияние на оценку различных и часто противоположных принципов учета, например таких, как реализация и осмотрительность, статической и динамической парадигм. Такой анализ позволяет доказать исключительно важный вывод, сделанный еще в 1923 г. Францем Фидзенем о невозможности «соединения стоимости имущества и определения финансового результата» в рамках одного исчисления. А именно такое исчисление предусматривается статическим балансом, в котором все оценки пассива есть только следствие оценок, вернее, переоценок актива. Статический баланс, отвергая оценку по себестоимости, объективность которой тем выше объективности продажных цен или цен замещения, что она не зависит от субъекта измерения, носит внешний по отношению к последнему характер, не требует консервации оценки, он основывается в большей степени на инвентаре, чем на главной книге и, следовательно, не нуждается в двойной записи, служит элементом простой бухгалтерии. Напротив, «двойная запись выполняла роль важнейшей движущей силы антистатической и позднее динамической интерпретации баланса», она с неизбежностью порождает баланс динамический, который, в свою очередь, нуждается в оценках исторических.

В динамическом балансе оценка актива не является ни единственной ни доминирующей. Оценка пассива играет такую же роль, возникает биполярная модель со взаимным влиянием актива и пассива, в результате «баланс направлен на отражение не правильной, а сопоставимой прибыли; такое условие заменяет абсолютность относительностью и ставит сопоставимость выше правильности». Регулирование оценки актива пассивом достигается прежде всего за счет резервов, состав которых «в динамическом балансе шире, чем в статическом. Составление динамического баланса предполагает помимо отражения резервов с признаком обязательств еще и резервирование затрат». Система резервов позволяет динамическому балансу разграничивать оценки во времени, отделять учетные периоды, объединять в балансе оценки разновременные. Первым и наиболее ярким примером учета временного фактора оценок служит амортизация, подробно рассматриваемая Обербрикманном. В статическом балансе «полностью отпа-

дает необходимость начисления амортизации, так как статьи баланса, определяемые через оценку реальной стоимости имущества, не требуют сопоставления с балансом прошлого года», напротив в динамическом балансе амортизация необходимый элемент — «средство обеспечения взаимосвязи оценок».

Анализ Обербрикманна и его выводы совсем не радикальны, как может показаться на первый взгляд. Его труд не только классическая немецкая книга по бухгалтерии, классическая не в силу почтенного возраста, а по широте немецкой же дотошности в изложении: литература насчитывает более 500 статей и монографий, ссылки на более чем 100 решений Имперского торгового и Верховного судов, административного суда Пруссии и федеральных земель, Министерства финансов. Он представляет собой наиболее полное на русском языке освещение вопросов баланса в немецкой бухгалтерской литературе. Сегодня у русских бухгалтеров появилась возможность воочию наблюдать описываемые Обербрикманном различия статического и динамического баланса. МСФО, принятие которых в Германии уже состоялось, а в России идет постепенно слухат хорошей тому иллюстрацией. МСФО развиваются в сторону статического баланса, причем отход от принципов баланса динамического протекает с возрастающей динамикой. Продажные и иные неисторические цены вытесняют себестоимость, занимают в балансе все большее число статей: разрешена переоценка основных средств, финансовые вложения и дебиторская задолженность и т. д. Одновременно сокращается сфера применения амортизации, последний пример замена амортизации гудвила учетом его обесценения, т.е. прямым списанием путем изменения оценок. Резервирование уступает место прямому списанию или наоборот начислению кредиторской задолженности, например по условным обязательствам. Все эти преобразования отрывают баланс от главной книги, делают его не счетным, а расчетным, инвентарным, подтверждая тем самым догадку Обербрикманна о том, что статическая парадигма связана с простой бухгалтерией, а не двойной записью.

В. Я. Соколов
Санкт-Петербургский
государственный университета
экономики и финансов

Патров В. В., Быков В. А. Бухгалтерская отчетность организации. 2-е изд. М.: МЦФЭР, 2005. — 432 с.

Книга В. В. Патрова и В. А. Быкова «Бухгалтерская отчетность организации» издана МЦФЭР (Международный центр финансово-экономического развития, Москва) и уже получила признание у читателей (1 издание — 2004 г.). В 2005 г. в свет вышло 2 издание, переработанное и дополненное, тираж которого составил 5000 экземпляров.

Каждая организация должна составлять бухгалтерскую отчетность. Бухгалтерская отчетность является основным источником информации о финансово-хозяйственной деятельности организации для заинтересованных лиц (как внешних, так и внутренних пользователей).

«Бухгалтерская отчетность организации» является практическим руководством по составлению бухгалтерской отчетности организаций на основе действующих в Российской Федерации нормативных документов (с учетом Приказа Минфина РФ от 22 июля 2003 г. № 67н «О формах бухгалтерской отчетности организаций»).

Предлагаемая вниманию читателей книга предназначена для руководителей, бухгалтеров, специалистов финансово-экономических служб организаций, сотрудников налоговых органов, аудиторов, а также для преподавателей, аспиран-

тов, студентов экономических специальностей вузов, колледжей, слушателей курсов повышения квалификации и всем, кто заинтересован в бухгалтерской отчетности как источником информации о финансово-хозяйственной деятельности организации.

Книга хорошо структурирована, имеет логику в изложении материала, в ней рассмотрены следующие вопросы:

- 1) процедуры, предшествующие заполнению форм бухгалтерской отчетности;
- 2) заполнение форм бухгалтерской отчетности;
- 3) составление пояснительной записки к бухгалтерской отчетности;
- 4) подтверждение достоверности и утверждение бухгалтерской отчетности;
- 5) процедуры, проводимые в межотчетный период (выявление влияния на финансовые показатели последствий изменения учетной политики; переоценка основных средств);
- 6) формирование бухгалтерской отчетности при реорганизации организаций;
- 7) порядок составления сводной (консолидированной) отчетности в соответствии с предписаниями российских нормативных документов по бухгалтерскому учету.

Второе издание «Бухгалтерской отчетности организации» дополнена такими важными для практика материалами как «Взаимосвязка показателей бухгалтерской отчетности» (стр. 227—266) и «Роль учетной политики организации в составлении бухгалтерской отчетности» (стр. 317—334).

Отдельные показатели бухгалтерской отчетности находятся между собой в определенной арифметической взаимосвязи, обусловленной логикой построения отчетных форм. Проверка взаимосвязки показателей бухгалтерской отчетности позволяет бухгалтеру или пользователю бухгалтерской отчетности убедиться в арифметической правильности заполнения отчетных форм. Показателям бухгалтерской отчетности присуща как внутренняя взаимосвязь (внутри одной отчетной формы), так и внешняя взаимосвязь (между разными отчетными формами). В книге приводится 206 таких взаимосвязей.

Авторы не пересказывают нормативные документы, регулирующие составление бухгалтерской отчетности, а дают свое аргументированное мнение в отношении проблемных вопросов составления бухгалтерской отчетности, которые не затронуты в нормативных документах или практика применения которых однозначно не определена законодательством.

Так, например, авторы предлагают альтернативную методику отражения на дату составления бухгалтерской отчетности приобретенных ценностей, находящихся в пути или не вывезенных со складов поставщиков (стр. 9), указывают на неточность нормативного определения понятия неотфактурованных поставок (стр. 12), обосновывают исходя из принципа консерватизма обязательность создания резерва по сомнительным долгам (стр. 52), указывают на обязательность (а не вариативность, как это указано в ПБУ 15/01) перевода долгосрочной кредиторской задолженности в краткосрочную (стр. 186). В противном случае у пользователей бухгалтерской отчетности создается неадекватное представление о краткосрочных и долгосрочных обязательствах организации (например, кредит должен быть погашен через 5 дней, а задолженность по нему будет показываться как долгосрочная, т. е. со сроком погашения более чем через год). Кроме того, непровод перевод долгосрочной задолженности по займам (кредитам) в краткосрочную повлияет на определение размера финансовых показателей организации (ликвидности, финансовой устойчивости и др.).

На стр. 193 приводится критика пункта 15 ПБУ 15/01, которым установлено, что если займы (кредиты) используются для предварительной оплаты материально-производственных запасов, работ и услуг, выдачи авансов и задатков в счет их оплаты, то расходы по их обслуживанию относятся заемщиком на увеличение дебиторской задолженности, образовавшейся по предоплате (авансу) до момента

поступления материально-производственных запасов (выполнения работ, оказания услуг).

По мнению авторов, методика, указанная в ПБУ 15/01, влечет за собой возникновение несуществующего (виртуального) дебитора, а также наделяет счета учета дебиторской задолженности калькуляционной функцией, не свойственной им. Если начислять проценты до момента оприходования ценностей за счет непосредственного увеличения дебиторской задолженности организации-получателя авансов, то исказится величина данной дебиторской задолженности.

В книге «Бухгалтерская отчетность организации» можно найти рекомендации авторов по отражению в бухгалтерской отчетности отложенных налоговых активов, отложенных налоговых обязательств и других новых объектов учета, которые появились после вступления в силу ПБУ 18/02 «Учет расчетов по налогу на прибыль» (стр. 151—153; 189—191; 211—213).

Книга может быть интересна не только практику, но и имеет теоретическую ценность. Так, представляет научный интерес рассмотренные авторами восемь ситуаций, возникающих при проведении инвентаризации (стр. 29—32), предложенная модель функционирования организации в пространственно-временных координатах (стр. 80—82) и рассмотренная временная взаимосвязь бухгалтерского баланса и отчета о прибылях и убытках (стр. 86—88).

Следует признать удачным предложенную авторами формулу расчета чистых активов (стр. 218), которая упрощает расчет этого показателя по сравнению с официальной методикой. Авторы рассчитывают чистые активы по следующей формуле:

$$\text{ЧА} = \text{IIIр} - \text{ЗУ} + \text{ДБП},$$

где IIIр — итог раздела III «Капитал и резервы» бухгалтерского баланса; ЗУ — задолженность участников (учредителей) по взносам в уставный капитал; ДБП — доходы будущих периодов.

В организациях, у которых отсутствуют показатели ЗУ и ДБП, стоимость чистых активов равна итогу раздела III бухгалтерского баланса.

Чистые активы — это стоимость оборотных и внеоборотных активов, обеспеченных собственными средствами организации. Другими словами, чистые активы — это стоимость имущества организации, которое свободно от долговых обязательств.

К сожалению, не нашла отражения в книге проблематика составления бухгалтерской отчетности в соответствии с Международными стандартами финансовой отчетности (МСФО), не рассмотрены процедуры трансформации бухгалтерской отчетности, составленной исходя из предписаний российских нормативных документов в отчетность, составленную в соответствии с МСФО.

Вместо заключения приводится стихотворение «Ода бухгалтерскому учету», на наш взгляд сомнительной поэтической ценности.

Указанные замечания не снижают высокой оценки книги В. В. Патрова и В. А. Быкова «Бухгалтерская отчетность организации».

А. В. Лепехова
ООО «Консалтинговый Центр»